

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Дом Бабеля, рисунок Пирожковой

В начале 90-х мне в руки попали воспоминания жены Исаака Бабеля Антонины Пирожковой "Годы, прошедшие рядом" ("Книжная палата", 1989 г.), из которых я узнал, что зимой 1933/34 г. она и Бабель проживали в Горловке Донецкой области.

"...незадолго до Нового года я получила письмо, в котором Бабель писал: "Я человек суеверный и непременно хочу встретить Новый год с вами. Подождите устраиваться на работу и приезжайте 31-го в Горловку, буду встречать".

Приглашение Бабеля было предложением жить в будущем вместе. И мой приезд в Горловку 31 декабря 1933 года означал, что я это предложение приняла.

Бабель встретил меня в Горловке в дубленом овчинном полушубке, меховой шапке и валенках и повез к Вениамину Яковлевичу Фуреру, секретарю Горловского горкома, у которого остановился".

Этот дом я и решил разыскать, чтобы в дальнейшем люди, имеющие опыт и средства, установили на его фасаде мемориальную доску.

В связи с тем, что от довоенной Горловки в Горловке осталось очень мало, тамошним краеведам было где разгуляться. А точнее, их воображению. Но здесь они как сговорились: дома нет! В личных беседах они мне доверительно сообщали: "В годы войны центр Горловки был разрушен. А так как этот дом наверняка находился в центре, то его поиски абсолютно напрасны".

Тут бы я их и прекратил, если б на моем пути не встретился еще один местный энтузиаст, который долгие годы дом Бабеля искал и даже вроде бы нашел — дом № 3 по улице Советской (оказалось, часть довоенных строений в Горловке сохранилась). Но вот взять на себя ответственность и с точностью заявить: да, этот дом — тот самый, — он, человек щепетильный, не мог. Даже если к этому склонялся. Единственное, в чем он был убежден, это в том, что на улице Советской все дома — индивидуальной постройки, а значит, двух похожих просто не найти (впоследствии эта информация оказалась весьма ценной)...

И все же инициативная группа решила: доску на этом доме установить следует. Хотя бы для того, чтоб люди знали: в Горловке жил Бабель. Оставалось получить разрешение властей на ее установку и найти достойного скульптора. Вот тут начинается самое интересное.

Хозяйка дома № 3 бессребренно, впол-

не великодушно: "Вешайте, конечно, с удовольствием! Если у меня жил Бабель, то чего ж? Вот только, это, как его? Вы не могли бы мне напомнить: это кто? Чтоб освежить".

Мы ей освежили, как могли. Она прониклась.

Установить доску по адресу: Советская, 3 — так и не удалось. Из-за буйных кустов сирени, которые с весны до глубокой осени заслоняли весь фасад обнаруженного дома. Их можно было бы и вырубить, конечно, но тут хозяйка оказалась непреклонной: "Вы от меня хотите невозможного! Вырубать сирень? Ну, это слишком! Даже, извиняюсь, ради Бабеля. Надеюсь, вы меня поймете?" Ну конечно!

Взвесив все "за" и "против", инициативная группа пришла к выводу: ее отказ, возможно, даже к лучшему! Доску с целью ее большего обзора следует укрепить в начале улицы, на доме № 1, где с перекрестка ее смогут увидеть значительно больше людей.

И тут в историю с памятной доской Исаака Бабеля активно и недвусмысленно вмешалась семья Калеушко, проживавшая в том самом первом доме по Советской. Домовладелица Анна Ивановна Калеушко со всей определенностью отрезала: "Что я буду свои стены безобразить? А тем более — наружные! Только через мой труп!" Мы с пониманием отнеслись к ее требованию, больше ее не беспокоили, и дело застопорилось. Но только лишь на время.

Когда через месяц домовладелицы А.И. Калеушко не стало... В общем, как и договаривались: через ее труп — со временем на доме по Советской, 1 при большом стечении народа мемориальная доска (розовый гранит с металлическим бабелевским рельефом) была открыта: "На этой улице, в доме № 3...". Это произошло 13 июля 1994 года, в день столетия со дня рождения Бабеля. За несколько часов до открытия доски из Москвы поступила телеграмма, и перед собравшимися ее зачитали: "Радуюсь открытию... Благодарю за добрую память... Пирожкова-Бабель".

Конечно, сомнения в том, что дом № 3 — тот самый, который мы искали, оставались. Возможно, их сможет разрешить сама Антонина Пирожкова? Встретиться с ней мне удалось в сентябре 1995 года. В назначенное время я приехал к ней домой — в квартиру по Петровско-Разумовскому проезду. И, конечно, попросил вспомнить тот горловский дом, хотя иллю-

зий, если честно, не питал (прошло больше полувека, а Пирожкова и Бабель в этом доме прожили меньше месяца). Случилось чудо: Антонина Николаевна не только вспомнила, но, в прошлом инженер-проектировщик, нарисовала его план, в который внесла даже стол, за которым Исаак Бабель, хозяин дома Вениамин Фурер и она, Антонина Пирожкова, встречали Новый 1934 год. Более того, кружочками указала за этим праздничным столом место каждого. На этом же плане Антонина Пирожкова пометкой "Мы с Бабелем" атрибутировала комнату, где большую часть января 1934-го они проживали. К сожалению, название улицы вспомнить она не смогла.

За столом под Новый год Фурер смешно рассказывал, как его одолевают корреспонденты, какую пишут они чепуху и как один из них, побывавший у его родителей, написал: "У стариков Фуреров родился кудрявый мальчик". Бабель весело смеялся, а потом часто эту фразу повторял...

Еще раз упомянув о горловском доме, Антонина Николаевна уточнила, что дом был на двух хозяев, а она и Бабель жили в правом крыле.

Теперь мой путь лежал в Горловку. Хозяйка дома, на который указал мне горловский энтузиаст, не только вынесла мне техпаспорт своего дома, но и доверила мне, абсолютно незнакомому человеку, отправиться с ним в город, чтобы сделать ксерокопию. "Я вам верю", — сказала она...

Удивительно: еще совсем недавно, каких-то шестнадцать лет назад, время было совершенно иным. Представьте, что вот сейчас с улицы к вам заявится абсолютно незнакомый человек, придумает красивую легенду ("В вашем доме жил Бабель, Чехов, Пушкин..."), чтоб заполнить все документы на квартиру. Для начала вы ему просто не откроете, ведь так? А она отдала мне всё — мне, первому встречному. И если бы под паспорт! Под честное слово!

Ксерокопия сделана. И только тут я решаюсь сличить: в плане дома, нарисованном рукой Пирожковой, и в плане, находящемся в техпаспорте, совпадают даже пропорции! Сомнений не оставалось: горловский дом Бабеля — обнаружен!

Когда я находился в Москве, среди множества вопросов, адресованных Пирожковой, естественно, был и о Вениамине Фурере. Антонина Николаевна сказала: "Вспомню — напишу". И написала. 24 октября того же 95-го года. В конце октября ее письмо дошло ко мне в Донецк.

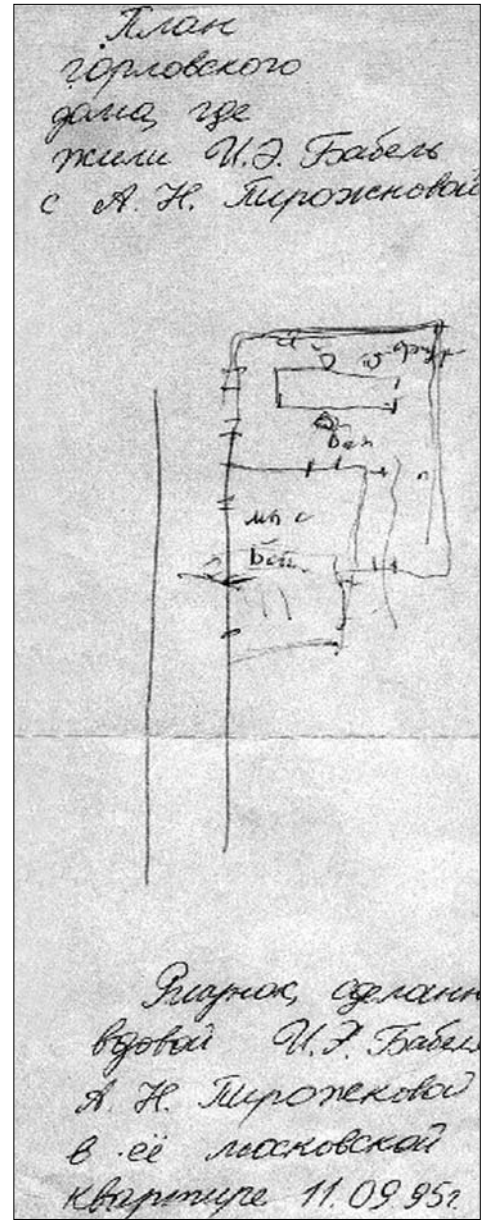
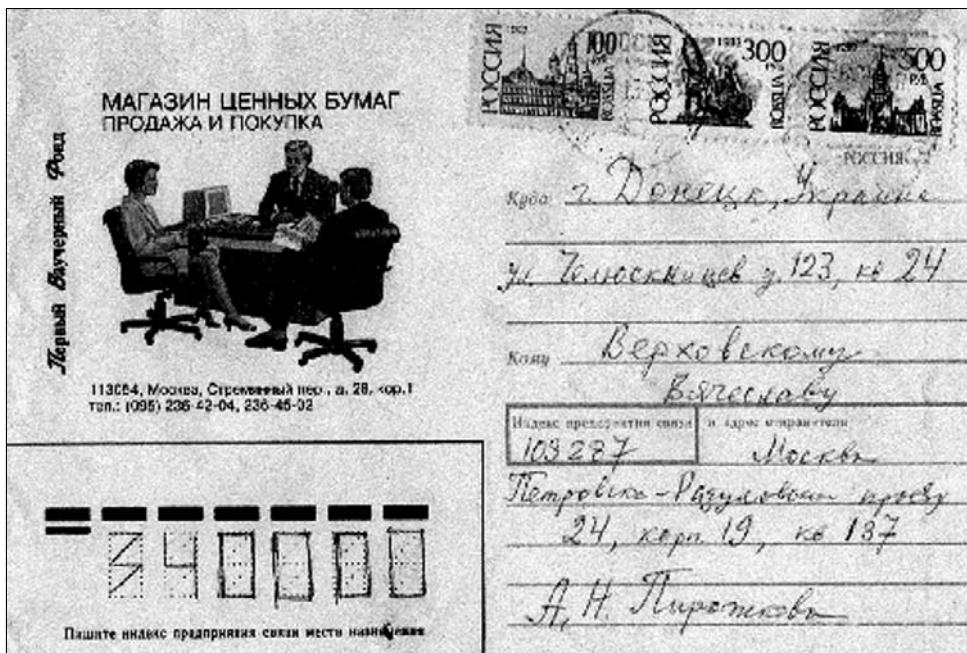

Рисунок Антонины Пирожковой, как и большое письмо, написанное собственноручно, — о друге Бабеля Вениамине Фурере, несмотря на просьбы горловского и донецкого краеведческих музеев, я сохранил у себя и прилагаю.

24.10.95 г.

Слава, я обещала Вам написать мои воспоминания о В.Я. Фурере и его жене Галине Лерхе в дополнение к тем, которые есть в моей книге. Выполняю свое обещание.

Я ничего особенного не могу вспомнить о Владимире Яковлевиче, кроме того, что мне когда-то рассказала дочь Якова Лившица, нарком путей сообщения СССР (кажется), тоже арестованного и расстрелянного органами НКВД. Она рассказала, что Фурер в молодости работал за границей, в Германии и, как мне помнится, в области разведки или контрразведки. Он был так красив, что все называли его "князь"... Но все это надо еще проверять.

Тогда я подумала, что именно его работа за границей могла послужить причиной угрожавшего ему ареста. Сталин ведь был уверен, что все наши люди, работавшие за границей, могли быть там завербованы, и никому не доверял.

О судьбе Галины Лерхе мне рассказала жена Николая Робертовича Эрдмана Валентина Ивановна Кирпичникова, балерина московского театра имени Станиславского.

Когда Каганович пригласил Фурера на работу в Москву, он устроил перевод балерины Г. Лерхе из Харькова, где она работала, в Москву, в театр им. Станиславского. После смерти Фурера его жену арестовали и сослали в какой-то лагерь в Сибирь.

Прошло много лет, и уже после смерти Сталина группа артистов театра им. Станиславского с какими-то балетами выехала на гастроли в сибирские города. Уже возвращаясь оттуда, на маленькой станции кто-то из артистов в немолодой и уже некрасивой буфетчице узнал Галину Лерхе. Повидавшись и поговорить с ней собралась вся группа, а художник театра снял с поезда свой чемодан, сказал: "Я нашел здесь то, о чем мечтал все эти годы", — и остался на этой маленькой станции. Оказалось, что этот художник был влюблен в Галину Лерхе с момента ее появления в театре, но никто об этом не знал. Через какое-то время Г. Лерхе вышла замуж за художника, и они уехали в Харьков. Несмотря на то, что у них родилась дочь, брак не оказался прочным, и они развелись.

Галина Лерхе осталась в Харькове, преподавала хореографию начинающим балеринам, ее дочь выросла, получила образование журналиста и уехала работать в Томск.

О последнем мне рассказала Ирина Ильинична Эренбург, после того как прочла мои воспоминания. Оказалось, что Г. Лерхе каждый год в свой отпуск едет к дочери в Томск и останавливается в Москве у приятельницы Ирины Ильиничны.

Я попросила Ирину Ильиничну дать приятельнице мой номер телефона, чтобы Галина Лерхе могла мне позвонить, когда снова будет в Москве. И она позвонила... Мне так хотелось поговорить с ней о Фурере, о ней самой, увидеться с ней и вспомнить прошлое. Но неожиданно она сказала:

— Я так много страдала из-за этого человека, что не хочу вспоминать ни о нем, ни о годах в лагере и не хочу из-за этого встретиться с вами, — и положила трубку телефона.

Бывает и так, но редко. Чаще всего все мы, страшно травмированные на всю жизнь расстрелом своих мужей, как это ни тяжело, хотим встречаться друг с другом и говорить о тех, кто невинно пострадал в те злоешие годы.

Желаю успехов.

А.Н.

